

ДЕТЕКТОР ЛЖИ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ШТАТНОГО ЭКСПЕРТА

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Петрос Александрович
Председатель московской коллегии адвокатов
«Иерусалимский и партнёры»

Продолжение. Начало в №2-3'20 газеты «Адвокат»

Как видно из полиграмм уровень психофизиологических реакций опрашиваемого, сначала в тесте №3 ТОКВ 3.1 Вc1 реакции резко снижаются (по отношению к началу исследования), а затем дают сбой Тест 8 ЮТА1.5 Пв2, теряя свою информативность и, соответственно, однозначно интерпретировать их не представляется возможным.

В такой ситуации, при наличии причин, препятствующих проведению ПФИ, исследование приостанавливается. Вопрос о его возобновлении решается полиграфологом совместно с инициатором в зависимости от возможности устранения причин, препятствующих проведению ПФИ («Единые требования к порядку про-

ведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа».

7. Основной задачей любой экспертизы является разрешение поставленных перед экспертом вопросов, требующих специальных знаний (ст. 2 ФЗ РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно «Единым требованиям к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа» при составлении тестов необходимо включение вопроса, на который необходимо получить ответ. Однако, как видно из имеющихся тестов, ряд вопросов в тестах не содержится, соответственно, подэкспертному они не задавались, следовательно, и реакция на них не были получены. Но, как следует из Заключения штатного эксперта, выводы на них эксперт дал. Выходит, что эксперт сформировал свои выводы без достаточных на то оснований.

Так, на разрешение эксперта КАА в рамках психофизиологической судебной экспертизы был поставлен вопрос:

«3. Выявляются ли у КАИ в ходе психофизиологической судебной экспертизы с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что для совершения

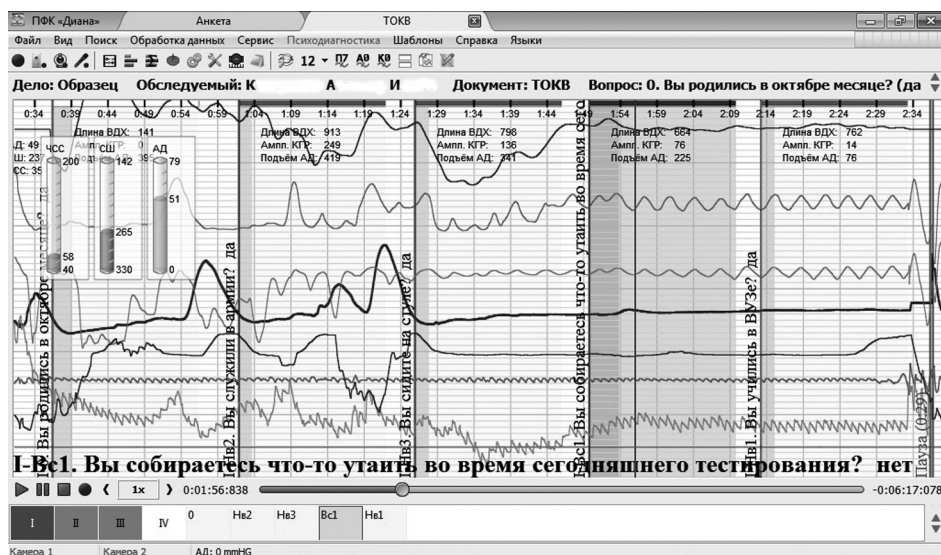
убийства БГС БАИ привлек сторожа ООО «А» ОАН?»

Вывод (с. 10 Заключения): «В ходе ПФИ были выявлены реакции, свидетельствующие о том, что КАИ, располагает информацией относительно того, что для совершения убийства БГС БАИ привлек сторожа ООО «А» ОАН...». Однако, ни в одном из приложений к Заключению тестов не содержится вопроса, касающегося того, кто именно привлек ОАН к участию в совершении убийства БГС А в таком случае, невозможно выявить у КАИ какие-либо реакции, свидетельствующие о том, располагает ли он информацией относительно того, что для совершения убийства БГС БАИ привлек сторожа ООО «А» ОАН, или нет.

На разрешение эксперта КАА в рамках психофизиологической судебной экспертизы был поставлен вопрос:

«5. Выявляются ли у КАИ в ходе психофизиологической судебной экспертизы с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что роль ОАН в убийстве БГС заключалась в наблюдении за передвижением последнего и создании алиби ему (КАИ) и БАИ в случае наличия у следствия подозрения на них?»

Вывод эксперта: «В ходе ПФИ были выявлены реакции, свидетельствующие о том, что КАИ располагает информацией относительно

Тест №3 ТОКВ 3.1 Вc1

того, что роль ОАН в убийстве БГС заключалась в наблюдении за передвижением последнего и создании алиби ему (КАИ) и БАИ в случае наличия у следствия подозрения на них...»

Однако, как следует, из теста № 9 Проверочный вопрос (П1п/П2) – «А говорил Вам, что роль О информировать о передвижении Г?», не содержит вопроса о создании ОАН алиби КАИ и БАИ. Иных вопросов, касающихся информации о роли ОАН в убийстве БГС, в том числе создании алиби КАИ и БАИ, в тестах не содержится.

При таких обстоятельствах невозможно было выявить у КАИ какие-либо реакции, свидетельствующие о том, что он располагает информацией относительно того, что роль ОАН в убийстве БГС также заключалась и в создании алиби ему (КАИ) и БАИ в случае наличия у следствия подозрения на них, поскольку такой вопрос ему (КАИ) не задавался.

На разрешение эксперта КАА в рамках психофизиологической судебной экспертизы были поставлены вопросы:

«6. Выявляются ли у КАИ в ходе психофизиологической судебной экспертизы с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что ОАН узнал о готовящемся убийстве БГС до xx.xx.2017 г.?»

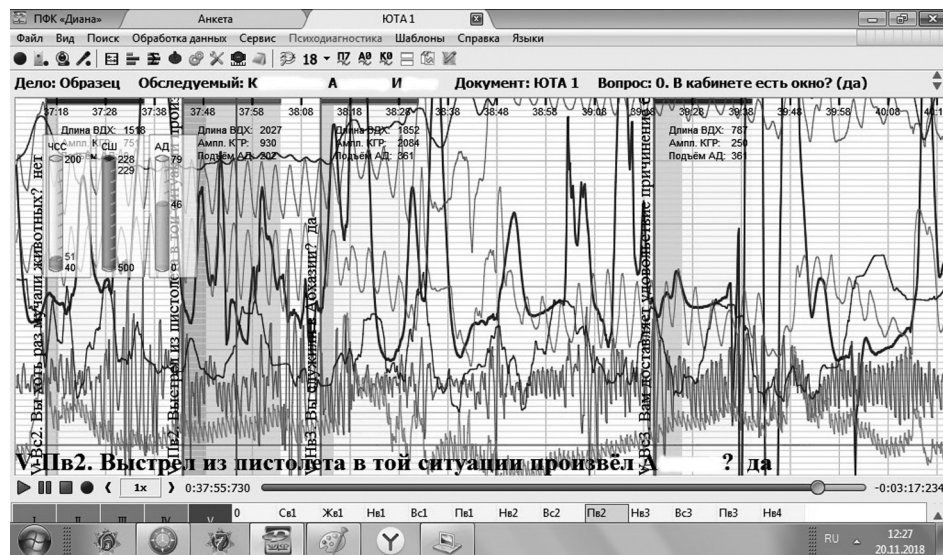
«7. Выявляются ли у КАИ в ходе психофизиологической судебной экспертизы с использованием полиграфа

реакции, свидетельствующие о том, что xx.xx.2017 г. примерно в 11 часов БАИ, находясь на территории ООО «А», распределил роли в совершении убийства БГС между ним и ОАН?»

Вывод по вопросам 6 и 7: «На указанные вопросы не представилось возможным дать ответ, ввиду получения сопоставимых по степени выраженности психофизиологических реакций.»

Следует отметить, что в приложенных к Заключение эксперта тестах не содержится ни одного вопроса, касающегося того, когда ОАН узнал о готовящемся преступлении, а также когда, в какое время, где и в каком составе БАИ распределил роли в совершении убийства. Следовательно, в такой ситуации невозможно ссылаться на какие-либо психофизиологические реакции опрашиваемого КАИ и, более того, делать основанные на них выводы.

Таким образом, из поставленных перед экспертом 12

Тест 8 ЮТА1.5 Пв2

вопросов, на которые он давал свои ответы, мы имеем следующее:

Вопрос 1. Утвердительный ответ эксперта в заключении на первый вопрос – является, по нашему мнению, экспертной ошибкой, поскольку мотив обвинения при привлечении к уголовной ответственности ОАН был совершенно иной, отличный от полученного утвердительного ответа эксперта, который сформулирован так – в ходе ПФИ были выявлены реакции, свидетельствующие о том, что КАИ располагает информацией относительно того, что убийство БГС спланировал БАИ в связи с наличием неприязненных отношений. Данный категоричный вывод эксперта полностью опровергается текстом предъявленного ОАН обвинения и последующего обвинительного заключения, из которого следует, что убийство БГС совершено с целью облегчить в дальнейшем совершение другого преступления. После совершения убийства БГС БАИ планировал завуалировано дать понять М и А, что данное убийство совершено именно им, и что в случае отказа от совершения сделки, он также применит насилие к ним. Выходит, что штатный эксперт СК РФ СКФО делая выводы на основе своего психофизиологического исследования сформировал неверный вывод, который являлся мотивом, целью преступления. При этом мы

не желали бы ставить под сомнение компетенцию эксперта или умение обманывать полиграф подэкспертным. Мы показываем недостоверность или ошибочность вывода штатного эксперта. Эта недостоверность была выявлена благодаря независимому исследованию, а также дальнейшим ходом расследования уголовного дела. При этом, версия о мотиве и цели убийства, сформированная следственным органом, также не является для нас логичной, бесспорной и убедительной, основанной на безупречных, веских доказательствах. При расследовании уголовных дел, особенно тяжких, таких как убийства важно установить мотив и цель совершения умышленного убийства. «Не случайно уголовно-процессуальное законодательство требует доказывания мотивов преступления в числе обстоятельств, составляющих предмет доказывания... Мотив и цель – это психические явления, которые вместе с виной образуют субъективную сторону преступления». (Б.В. Здравомыслов «Уголовное право Российской Федерации 1996).

Цель убийства возникает на основе преступного мотива. Мотив и цель совместно образуют фундамент, на котором рождается вина, как волевая и интеллектуальная деятельность преступника, связанная с совершением преступления и протекающая в момент его

совершения. Мотивы могут быть различными, но они имеют существенное значение, и они всегда конкретные, когда речь идет об убийстве.

Вопрос 2 и Вопрос 4. В связи с тем, что проверочные вопросы касаются разных тем, у подэкспертного сформированы неверные и необъективные реакции, не позволяющие сделать однозначный вывод.

Вопрос 3 и Вопрос 5 (напрямую касаются ОАН). Эксперту не удалось выявить у подэкспертного КАИ какие-либо реакции, свидетельствующие о его информированности. При этом эксперт делает категоричский вывод о причастности ОАН к убийству БГС и роли ОАН в убийстве.

Вопрос 6, Вопрос 7 и Вопрос 10. На указанные вопросы эксперту не представилось возможным дать ответ ввиду получения сопоставимых по степени выраженности психофизиологических реакций. При этом, в текстах не содержится ни одного вопроса, касающегося того, когда ОАН узнал о готовящемся преступлении, когда, в какое время, в каком составе БАИ распределял роли в совершении убийства. В такой ситуации невозможно ссылаться на какие-либо психологические реакции опрашиваемого, и тем более делать основанные на его реакциях выводы. Кроме этого, выходит, что на все задаваемые основные и

проверочные вопросы, подэкспертный давал примерно одинаковые реакции. А это может значить все, что угодно. Например, подэкспертный мог готовиться к данным вопросам заранее, в этот момент тестируемый КАИ регулировал свои реакции. Могло произойти и то, что организм подэкспертного устал, изменилось общее самочувствие. Подэкспертный мог не обладать информацией, мог не рассматривать данные вопросы как важные, так как они находились на периферии его сознания, психики, а не в эпицентре его восприятия, памяти или разума.

Вопрос 8. Категоричный ответ эксперта на данный вопрос полностью опровергается судебным следствием, материалами уголовного дела, из которых следует, что КАИ подсел в автомобиль БГС за пределами ООО «А», а не на территории ООО «А», как это зафиксировано в выводах штатного эксперта СКФО.

Вопросы 11 и 12 и ответы на них не играют никакой роли, не имеют практического значения, поскольку КАИ сообщил и указал место, где он выбросил оружие, которое было найдено.

Таким образом, из десяти (10) вопросов, имеющих особое значение при производстве ПФЭ – девять (9) ответов эксперта – не выдерживают критики, так как, либо, не соответствуют действительности, не подтверж-

даются ходом расследования уголовного дела, выводы детерминированы либо без достаточных на то оснований, либо сделаны без полных или необъективных реакций подэкспертного, также экспертом сформированы и поставлены некорректные проверочные вопросы и др.

Все установленные и перечисленные нюансы, в совокупности с нарушениями, описанными выше, вызывают ряд вопросов не только о достоверности экспертизы штатного сотрудника, степени подготовки, качества экспертизы в целом, но и последующие вопросы, касающиеся качества расследования уголовного дела, установления мотива и цели преступления, оценки доказательств, сопоставления фактов, поиска истины.

Неудивительно, что выводы независимых специалистов были следующими: Заключение эксперта №х/хх-18 от хх.хх.2018 г. не соответствует требованиям, предъявляемым к проведению психофизиологических судебных экспертиз и оформлению их результатов. Психофизиологическая судебная экспертиза, проведенная старшим экспертом экспертно-криминалистического отдела контрольно-криминалистического управления ГСУ СК РФ, не соответствует принципам научной обоснованности, объективности, всесторонности и полноты

исследования, выводы эксперта не обоснованы.

Исходя из описанной ситуации, приведенного конкретного примера, возникает общий вопрос, связанный с достоверностью, качеством и добротностью при расследовании уголовных дел, тем более, что процессы расследований повсеместно носит доминирующий обвинительный характер. Возможно ли доверять выводам штатных экспертов, необходимо ли обращаться к независимым специалистам. Остаются актуальными вопросы: как и насколько авторитетно, истинно, убедительно может применяться полиграф (детектор лжи) при производстве по уголовному делу, выдает ли штатный эксперт нужные, удобные варианты заключений, насколько эксперт способен манипулировать полученными ответами, или качественно, достоверно их интерпретировать при формировании своего вывода, верно ли расшифрованы реакции организма подэкспертного и действительно ли они отражаются в экспертизе, точны ли суждения эксперта и надлежит ли такие выводы проверять.